

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 801.73: 165.19

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

**МИФОЛОГИЯ ТЕКСТА. РЕФЛЕКСИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
ОСОЗНАНИЯ (ЭТЮД №3: НЕОБЫЧАЙНО КОРОТКИЙ И
НЕСКОЛЬКО НЕОЖИДАННЫЙ)**

Очерк представляет собой третий [2, 3] коллаж из случайных фрагментов, двух таких разных по мироощущению и темпераменту философов, живших в XX веке, и оставивших такой заметный след в европейской философской культуре (М. Хайдеггер и Н. Бердяев), сопровождаемый ассоциациями и размышлениями автора, задавшегося целью: обнаружить присутствие общих архетипических оснований, незримо творящих мифологию текста.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимание.

Сочетание случайных фрагментов двух таких разных по мироощущению и темпераменту философов, живших в XX веке, и оставивших такой заметный след в европейской философской культуре. О вкусах можно спорить бесконечно. И можно найти в творчестве двух грандов немало сходного, но еще более – различного. Первое сходство, бросающееся в глаза – это их неповторимая философская поэтичность, тяготение к мистике, полету слов и образов, схоластичность бесчисленных философских конструкций... О различиях – пусть говорят многочисленные исследователи, коих хватает и в России, и в Германии, и во Франции, и в иных философствующих странах. Рискну предположить, что у Хайдеггера больше почитателей и толкователей, чем у Бердяева – но это лишь дань укоренившейся культурно-исторической традиции. Богатство философских импровизаций Бердяева во многом еще не понято, не осознано и просто не прочитано. Мы не претендуем на какое-то особое откровение. Просто случайно наткнулись на случайные фрагменты и зафиксировали их в поле своего любопытствующего зрения.

«Ничто ведь — ничто, и между воображаемым и «подлинным» Ничто может и не оказаться никакого различия, тем более что Ничто в себе тоже предлагает полное отсутствие всяких различий». [4]

Хайдеггер и Ничто – ну что еще может быть ближе? Певец неуловимого Ничто. Его открыватель и толкователь. Извлекающий из Ничто феерическую массу своих философско-поэтических импровизаций. Попробуйте себе вообразить разницу между Ничто воображаемым и Ничто подлинным. По-моему, это пожизненная задача для целой школы йогов, ищущих нирвану в субтропическом климате какого-нибудь удивительного города... А Хайдеггер мог это делать! Мог различать все разнообразие самых тонких нюансов и оттенков этого удивительного и неуловимого Ничто. Невзирая на то, что Ничто в себе предполагает полное отсутствие всяких различий.

«Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом». [4]

Поэзия! Ну какой философский прозаик, начав с глубокой тоски (эта вездесущая фабула творческой депрессии) сможет создать яркий сюрреалистический образ безразличия всеобщего тумана, приоткрывающего сущее в целом (ни много, ни мало). Туман, тоска и люди на болоте, всеобщее оцепенение, безразличие – и вдруг – просвет, и сквозь тоску, в наше сознание врывается всеобъемлющее сущее, которое в итоге имеет реальные шансы оказаться невообразимым Ничто...

«Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие. Из-за того, что истина метафизики обитает в этом бездонном основании, своим ближайшим соседом она имеет постоянно подстерегающий ее риск глубочайшего заблуждения. Поэтому до серьезности метафизики науке со всей ее строгостью еще очень далеко. Философию никогда нельзя мерить на масштаб идеи науки».

[4] (Метафизика – это наша жизнь. Как сущее нашего бытия превращается в Ничто – это сплошная голая метафизика).

Слова у Хайдеггера почти всегда пластичны и многозначны. Метафизика может быть событием, бытием, наукой, философией или заурядным Ничто. Но иногда она обращается и в сплошную голую метафизику! (вспоминается советская философия 30х годов прошлого века: там метафизика могла быть еще и «продажной девкой империализма!»). Поэты обязательно должны учиться метафорам у классических философов.

Науке, со всеми её школами, институтами, технологиями и амбициями далеко до серьезности метафизики. Метафизика – это жизнь, это бытие, это сущее. Это на грани реального и глубинно мистического.

«Метафизика думает, поскольку она представляет всегда только сущее как сущее, не о самом бытии. Философия не сосредоточена на своем основании. Она постоянно его покидает, и именно через метафизику». [4]

Хайдеггер – маг и мистик XX века. Метафизика, кроме прочего, вполне живое существо (помимо абстрактного сущего и неизбежного Ничто). Она думает за всех нас, вероятно и переживает, а когда её используют не по назначению (какие-нибудь воинствующие дилетанты), метафизика, не исключено, долго и выразительно ругается. При том, именно в этот момент происходит удивительная трансформация: философия, постоянно теряющая своё основание, прорывается сквозь метафизику, минуя бытие, в пределы сущего, покидая мир незатейливого здравого смысла.

«Всякий и так давно знает, что в философии, тем более в метафизике, все шатко, несчетные разные концепции, позиции и школы сталкиваются и раздирают друг друга – сомнительная сумятица мнений в сравнении с однозначными истинами и достижениями, с выверенными, как говорится, результатами наук. Вот где источник всей беды. Философия, а прежде всего именно метафизика, просто пока еще не достигла зрелости науки». [4]

Здесь чародей схоластического сюрреализма подводит нас к качественному рубежу предельно искреннего озарения: и философия, и метафизика не имеют под собой устойчивого теоретического фундамента, а только лишь сомнительная сумятица плюрализма и многообразие философских школ и систем, раздирающих друг друга. А напротив, наука, с её однозначными истинами и достижениями – всё ясно, конкретно и убедительно.

Философия, и, тем более, метафизика, далеки от зрелой науки. Они просто недостойны и несерьезны в своей извечно постоянной незрелости.

«Когда-нибудь она твердо встанет на ноги и пойдет выверенным путем науки – на благо человечества. Тогда мы узнаем, что такое философия». [4]

Но шансы есть. Когда-нибудь философия встанет на ноги (и метафизика тоже с ней!) – и пойдет вслед за наукой. Тогда-то мы наконец-то поймем – что такое философия!..

Скажем несколько громко (а может даже и пафосно!) – Николай Бердяев – самый психологичный философ XIX и XX веков. Пусть это будет рабочей гипотезой или субъективным интуитивным прозрением.

«Муки сомнения могут быть преодолены и побеждены. Но в обретенную веру таинственно войдет испытанная глубина сомнений. Такая вера будет иного качества, чем вера людей, не знавших сомнений, верующих по наследству, по рождению, по традиции. Человек, много путешествовавший по духовным мирам, много испытавший в своих блужданиях и исканиях, будет иметь другую духовную формацию, чем человек оседлый в своей духовной жизни, не встречавший в своем пути разных миров...» [1].

Бердяев всегда в борьбе, всегда в преодолении. В поиске истины и веры. Сквозь тернии сомнений мы обречем духовную веру, оставив позади обилие духовных миров. Сомнения смирятся, восторг нового качества превзойдет доселе известное по традиции и наследству.

«Бог и дух есть реальность того же порядка, как материальный предметный мир». [1]

Версия: три в одном. Бог, дух, материя. Материя божественна. Дух материален и бог – как материализовавшийся дух или одухотворенная материя. Реальный синкретизм.

«Границы сознания какого-либо человека не дают ему права утверждать эти границы для всех людей, принуждать их к ограниченности». [1]

Увы. Границы сознания и в прошлом, и в нашем веке, по-прежнему не совпадают. И люди иерархии по-прежнему пытаются утвердить единую границу как стандарт. Ограниченность всегда стремится взобраться по лестнице социальной иерархии и обрезать, как можно большему числу, пространство и границы сознания.

«Язык духовного опыта есть неизбежно символический и мифологический язык, и в нем всегда говорится о событиях, о встречах, о судьбе, в нем нет никаких заставных категорий и субстанций; самые идеи души и духа имеют мифологическое происхождение». [1]

Язык духовного опыта у каждого мыслителя неизбежно имеет свою неповторимую символику и свою неповторимую мифологию. Душа и дух пронизаны мифологическим происхождением и не менее мифологическим бытием, воплощением своего неповторимого символического сущего. Категории и субстанции играют роль изобретенных правил абстрактных игр человеческого ума и сознания.

«Иногда остается впечатление, что официальное богословие и официальные церковные наставления о путях человека не хотят признавать человека духовным существом, предупреждают от соблазнов духовности. Христианство души признается более истинным и более правоверным христианством, чем христианство духа. Сознание себя духовным существом признается гордыней, а смирение понимается как сознание своей недостойности обладать духом и духовной жизнью». [1]

Соблазн духовности чреват полетом мысли и души. Духовное может не признавать границ и абсолютов. Духовное выстраивает свою иерархию ценностей. Да и к тому же, может гордиться своими духовными мирами. Теология признает авторитет и иерархию. Иерархия признает смирение и послушание. Нищие духом - более надежный фундамент любого здания.

«Символ – значит посредник, знак и вместе с тем связь. Символизировать – значит соединять, разделяя, связывать. Символ и символизация предполагают существование двух миров, двух порядков бытия. Символ не может иметь места, если существует лишь один мир, один порядок бытия. Символ говорит о том, что смысл одного мира лежит в другом мире, что из другого мира подается знак о смысле. Плотин под символом и понимал соединение двух в одно. Символ есть мост между двумя мирами». [1]

Символ объединяет миры и порядки. Символическое может быть реальным и может быть виртуальным. При всем многообразии смыслов – они вряд ли имеют универсальное значение и действие для всех миров. Может ли символ связывать не два, а, например, сто миров – этого мы знать не можем, но мы можем позволить своему сознанию такую фантазию. Позднее появится наука и сконструирует символ для бесконечного многообразия миров. Но ранее науки, все невообразимо возможное многообразие миров давно уже конструирует и обращает в образы и символы философская метафизика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
 2. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюды №2) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С.47-62
 3. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюды №1) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 51-76
 4. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.
-

A.V. Vinober

*«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia*

**MYTHOLOGY OF TEXT. REFLEXIVE HERMENEUTICS OF
AWARENESS (ETUDE №3: UNUSUALLY SHORT AND SEVERAL
UNEXPECTED)**

The essay is the third [1, 2] collage of their random fragments of two philosophers who lived in the twentieth century and were so different in European philosophical culture: M. Heidegger and N. Berdyaev, accompanied by associations and reflections of the author, who set out to discover the presence of common archetypal foundations, invisibly creating the mythology of the text.

Key words: hermeneutics, interpretation, understanding.

Поступила в редакцию 15 января 2019